

**СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ
ЛЮБОВНИЦА
ДЕПУТАТА**

Сергей Павлович Бакшеев

Любовница депутата (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19413134
Любовница депутата. Повести и рассказы / Сергей Бакшеев:
Авторская версия; 2016*

Аннотация

Повести и рассказы. Любовь, успех и счастье каждый понимают по-своему и идет к цели разными путями.

Содержание

Любовница депутата	4
Правильная	19
Девоти Боря	27
Давным-давно	33
Последний из эрудитов	51
Мои бандиты	58
1. Знакомство по принуждению	58
2. Первая стрелка	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сергей Бакшеев

Любовница депутата

Любовница депутата

У Вероники тонкая талия, высокая грудь, льняные волосы и пухлые губки, ножки тоже, что надо – в общем, фигурка, как у модели. Она мило улыбается и выглядит умной, если вспоминает о чем-то неприятном. Но неприятности у Вероники случаются редко, ведь она – любовница депутата Государственной Думы!

Разумеется, раньше депутат был бизнесменом. И не каким-нибудь, а из первой сотни списка Forbes, хотя и ближе к концу. Как повелось в кругу состоятельных благопристойных господ, любовницу он сделал руководителем отдела рекламы в своей фирме. И содержание платишь в виде зарплаты, и в кабинет вызываешь, если приспичит. Когда бизнесмен пробился в политический бомонд, пришлось ему назначить Веронику коммерческим директором фирмы, чтобы следила за денежными потоками.

Вероника любила путешествовать и часто моталась за границу. Мне трудно назвать страну, в которой она не побывала. Она даже совершила самое быстрое кругосветное путешествие, пройдясь по льдине вокруг Северного полюса, и мор-

щила носик, рассказывая о неприятном запахе помета колонии королевских пингвинов в Антарктиде.

Выглядеть стильно и сексуально Веронику обязывала должность и статус любовницы влиятельного человека. Московские и Миланские бутики ее информировали о получении новых коллекций. Помимо шмоток и денежного довольствия Вероника получила от депутата элитную квартиру и хороший автомобиль. Когда у всех были «лексусы», она одной из первых в Москве красовалась за рулем «инфинити» (тогда они официально не поставлялись). Когда у всех появились «инфинити», Вероника надула губки и попросила новую машину.

Помню, как она выбирала автомобиль. Нашла фотографию в Интернете и показала мне: «Ой, какая лапочка!» Надо сказать, что я был заместителем Вероники, то есть тем, кто пашет, пока она истязает себя зарубежными вояжами и шопингом. Я посмотрел на красивую машинку и предложил свой вариант, описывая полезные функции автомобиля.

– А сколько он стоит? – призадумалась Вероника.

– Шестьдесят пять тысяч долларов.

– Так эта семьдесят пять! Значит, лучше! – ткнула Вероника в свою картинку.

– Есть тачки и по сотке, – справедливо заметил я.

– Сотку он не даст, – покачала головой Вероника.

В этот день я невольно узнал предел женских чар Вероники.

Однако новый автомобиль радовал Веронику не более недели. Что проку в железе на колесах, если почти сразу приходится менять разбитый бампер, капот или поцарапанную дверь, а через год сбывать «старую рухлядь». Со временем проблему битых бамперов Вероника решила кардинально – завела личного водителя, который, конечно же, был оформлен в нашей фирме.

На всех автомобилях Вероники сохранялся счастливый номер из трех восьмерок и букв ВЕР. Мебель в своем кабинете она расставила по фен-шую, а на стол усадила трехлапую денежную жабу мордой к себе и задом к посетителям. Талисман исправно приносил Веронике богатство и процветание. Из тех же мудреных восточных соображений она приказала замуровать вторую дверь в отделе закупок. Кстати, показатели отдела после ее вмешательства улучшились. Может, из-за того, что бегать в туалет клеркам стало дальше и делали они это реже.

Должен признаться, что Вероника – цепкая дамочка. В ее обязанности входило вести важные переговоры. К ним она подходила так.

– Какой бюджет на маркетинг мы можем выбить у этой табачной компании? – подкрашивая губки, спрашивает меня Вероника за пару минут до встречи.

Я демонстрирую серьезные расчеты и гордо заявляю:

– На миллион долларов мы их раскрутим.

– О'кей! Я объявлю полтора, и поторгуюсь, – решает Ве-

роника.

Она лениво слушает презентацию табачников и в конце безапелляционно объявляет:

– Наше предложение – вы вкладываете полтора миллиона!

Клиенты и бровью не ведут. Вероника нутром чувствует мужиков с деньгами и тут же поднимает ставку:

– Евро!

Клиенты переглядываются.

– Без НДС! ¹ – добивает их Вероника.

В последующие дни табачники перезваниваются со своим британским офисом. Я обещаю им рост продаж и манны небесные, и они подписывают договор на условиях Вероники. Вот так, нахрапом, мы и зарабатывали миллионы для депутата.

В качестве хобби Вероника собирала каменные яйца. В больших количествах! Я сам ей подарил несколько красивых окатышей из уральских минералов. Как она поступает с яйцами, я не догадывался, пока однажды в полночь мне не позвонил разгневанный депутат.

– Где эта блядь, Вероника?! – крикнул он и тут же поведдал, какую непристойность готов проделать с ее мамой.

Подбор слов меня не удивил. Ненормативная лексика – повседневный сленг представителей власти за исключением тех минут, когда они красуются перед телекамерой. А вот смысл озадачил. Даже напугал! Вы только представьте, все-

¹ НДС – налог на добавленную стоимость, составляет 18 %.

сильный депутат-миллиардер подозревает, что его любовница находится ночью у меня!

На счастье, я вспомнил, что Вероника пошла на концерт Мадонны, который начался с большим опозданием. Выслушав новые непечатные эпитеты в адрес всемирно известной певицы, ее итальянской мамы, а также Вероники, меня осенило. А ведь битье каменных яиц молотком не самый плохой способ снятия стресса для обиженной любовницы!

Высшее общество – это рассадник двойных стандартов. Любовнице депутата не полагается иметь мужа, а депутату негоже бросать семью из-за какой-то там любовницы. Эта несправедливость Веронику тяготила. Своего мужа она, понятное дело, бросила. Тут уж или – или! Раз депутат платит, он и имеет. Не так чтобы часто, но остальные прочь от его киски!

У Вероники была дочь от прежнего мужа, но ей когда-то нагадали еще и сына. Она верила предсказаниям и даже имя мальчику выбрала, чтобы с отчеством сочеталось. А отчество, конечно, от депутата. Как всякая любовница Вероника надеялась, что депутат вот-вот бросит «свою старую клячу» и поведет под венец ее «умную и красивую». Однако потенциальный папаша-депутат имел трех законных наследников, не желал плодиться на стороне и, самое главное, избегал разорительного бракоразводного процесса.

И вот Веронике стукнуло тридцать два года, шесть из которых она провела в статусе любовницы богатого человека.

Поверьте на слово, старалась она от души, покупала депутату галстуки, следила за своей фигурой, посещала SPA-салони и даже курсы стриптиза окончила. И что? А всё то же. Ресторан, постель, и иногда трехдневный совместный вояж за границу.

Растолкав пакеты с подарками по углам кабинета, Вероника окончательно приуныла и щелкнула пальцами. Я знал этот жест и откупорил бутылку с ее любимым розовым шампанским «Perrier Jouet Belle Epoque Rose Vintage». Вкусы к изысканным напиткам привил ей я, просто указав их цену.

Осушив бокал, Вероника горько призналась:

– С ним пора кончать. Но я не знаю, как его бросить!

Я догадался, о ком речь, и налил еще. Мы выпили и помолчали, прикидывая уровень материальных потерь, связанных с расставанием с депутатом. Даже солнце свалилось за тучу от наших тяжелых дум.

– Имеются два варианта, – сказал я. – Первый. Ты честно говоришь ему, что возраст поджимает, тебе хочется полноценную семью, еще одного ребенка, и он, как благородный человек, отпускает тебя, оставляя должность, квартиру и всё прочее.

Вероника покачала головой. Я понял, что «благородный» – это не про депутата.

– А второй вариант? – спросила она.

Я включил красноречие и расписал Веронике, какая она потрясающая, красивая, обаятельная, умная, стильная, сек-

суальная, и добавил:

– Но твое главное достоинство в другом.

«Что же еще?» – кричали ее глаза, ошалевшие от шампанского и моей неприкрытой лести.

– Главное, Вероника, что ты не создаешь депутату проблем! Человеку его статуса противопоказаны скандалы. Я уверен, что он, как всякий мужик, хочет разнообразия в сексе. Возможно, даже подумывает поменять тебя на другую, но боится, что попадется стерва.

– Кругом одни стервы! – согласилась Вероника.

– Так вот второй вариант. Ты сама находишь ему новую молодую девицу. В его вкусе! И даешь ему гарантию, что она будет пайнкой – как ты. Ты обучишь ее всему тому, от чего он торчит. Как с ним вести в ресторане, в поездках, ну и конечно, в интимной обстановке. И самое главное, ты обещаешь контролировать ее. Представь, из статуса любовницы ты переходишь в статус доверенного человека! И ничего не теряешь.

– Она с ним спит, а я имею то, что раньше, – призадумалась Вероника.

– В этом весь смысл.

– Буду работать по второму варианту! – решила Вероника.

С этого момента она стала по-женски динамить депутата и лично проводить собеседования со всеми молоденькими смазливymi кандидатками на вакансии нашей компании.

Через неделю Вероника вызвала меня в кабинет и показа-

ла фотографии вполне симпатичной блондинки, чем-то напоминающей ее.

– Как тебе? Подходит? Юристом хотела устроиться.

– Одета не очень.

– Это поправимо. На первое время подкину шмотки из своего гардероба. Размеры совпадают.

– Ну, тогда...

– Вот что! – перешла к делу Вероника. – Ты должен ее протестировать. Как мужчина женщину.

– Ты предлагаешь, чтобы я с ней...

– Переспал, занялся сексом, трахнул! Называй, как хочешь. Не могу же я подсовывать непроверенный экземпляр. Уровень кандидатки должен соответствовать устоявшемуся стандарту.

– Но я не знаю стандарт.

Вероника откинулась на спинку кресла, закинула ногу на ногу, томный взгляд сквозь полуопущенные ресницы ощущал мое тело и проверил, закрыта ли дверь в кабинет.

Черт! Я лихорадочно вспоминал, приличные ли на мне трусы.

– Нет! – отринула смелую мысль моя начальница. – Кое-что я ей объяснила. Пока без персоналий.

– И она согласна?

– Еще бы! Такой шанс.

– Ну почему должен тестировать я?

– А чья это идея? Назвался груздем – полезай в кузов. Да

ты не волнуйся, твоя роль второстепенная. Она раздевается, а ты смотришь. Любовница должна медленно раздеваться и быстро одеваться, – поделилась Вероника выстраданной истиной. – Потом она приближается к тебе, грациозно, соблазнительно и... Короче, ты не мальчик, получишь удовольствие и расскажешь о своих ощущениях.

Я еще раз изучил фотографии кандидатки, теперь уже несколько иным взглядом. «Подопытный экземпляр» породил приятное волнение в нужной части организма.

«Надо, значит надо! – убедил себя я. – С начальством не спорят. Это не измена, а производственная необходимость. Придется освоить новую профессию. Интересно, как она называется: секс-тестер или интимный дегустатор?»

– Чуть не забыла! – встрепенулась Вероника. – Обрати внимание на ее интимную прическу.

– Какую прическу? – не сразу врубился я.

– В области бикини. – Вероника коснулась ладошкой юбки в нужном месте, чтобы у меня не осталось никаких сомнений. – Там должен быть цветок лотоса. Я ее предупредила.

– А как я узнаю, что это лотос?

– Какой же ты темный, – поморщилась Вероника.

Она набрала запрос в Яндексe и продемонстрировала красноречивые фотографии интимных стрижек. Я даже не предполагал, что существуют стилисты и дизайнеры так называемой «зоны бикини».

Тестирование состоялось на следующий вечер в номере

отеля. Я чувствовал груз ответственности. Как не крути, от настроения депутатов Госдумы зависит качество принимаемых ими законов, а от законов – жизнь огромной страны. Получается, если я ошибусь в своих рекомендациях, могут пострадать миллионы простых граждан. А вдруг, мы потому и прозябаем, что кто-то когда-то на моем месте схалтурил?

Тяжелые мысли не способствовали поднятию настроения, у меня опустились не только руки. А девушка старалась! Как же ей хотелось стать любовницей богатого человека! Ее руки и губы скользили по моему телу, постепенно лишая одежды. У меня же была другая задача. Не снимая очков, я изучал зону бикини и прикидывал, похож ли сей мохнатый трезубец на цветок лотоса.

– Ну, как? – допрашивала утром меня Вероника.

Я тяжело вздохнул и показал снимок на телефоне, запечатлевший трезубец-лотос.

– Ну, кто же там бреется! Надо было делать восковую эпиляцию, – скривилась Вероника. – И выглядишь ты кисло. Нет, она нам не подходит. Будем искать другую кандидатуру. Готовься.

Я обреченно кивнул. Вчерашнее тестирование еще раз доказало, что сверхурочная работа редко приносит удовлетворение.

Следующая встреча с кандидаткой в любовницы депутата состоялась через неделю. На этот раз пылкая брюнетка сумела завести меня. Я на практике оценил различие гладкости

восковой эпиляции от колкости бритья.

Выслушав мой восторженный отчет о встрече, Вероника задала уточняющие вопросы, добилась подробностей и нахмурилась.

– Смахивает на профессионалку. Нам надо поскромнее.

Я не возражал. В конце концов, ко всякому делу надо подходить ответственно! Я первое звено в цепочке: досуг депутата, его настроение, качество законов, благосостояние граждан.

Однако следующее тестирование сорвалось. И не по моей вине.

Раскладывая утром на столе Вероники документы на подпись, я едва поймал листок, взлетевший от яростного порыва распахнутой двери.

– Где? – спросил ворвавшийся депутат. Дальнейшее упоминание матери, сузило широту вопроса до одной очевидной персоны.

«На йоге, у маникюрши, в салоне красоты. Мало ли дел у женщины за тридцать, обязанной сохранять молодость. Да и вообще, она раньше двенадцати не приходит», – хотел грубо ответить я, но вместо этого промямлил:

– Здравствуйте. – И пожал плечами.

Депутат с подозрением осмотрел кабинет, проверил защелку на ручке двери и остановил свой взгляд на мне, ерзавшем в шикарном кресле из белой кожи с пружинящей спинкой.

– Уютненко, – заключил он и спросил: – И часто ты здесь бываешь?

– Только по работе. Но я уже...

– погоди! – Депутат осадил меня, прошелся по кабинету и задал мучавший его вопрос: – Что за херня с ней происходит?

– Ну, понимаете... мне кажется... кризис отношений...

Я нервно мял пальцами трехлапую денежную жабу, повисшую под руку. Депутат присмотрелся:

– Это что?

– Талисман. К деньгам.

Услышав привычные слова «кризис» и «деньги», депутат приободрился:

– Есть деньги – нет кризиса. От жабы не дождешься.

Он похлопал меня по плечу и пошел к выходу. Но перед дверью остановился, и меня вновь пронзил его подозрительный взгляд.

На следующее утро дверь в кабинете Вероники заменили на стеклянную.

А еще через два дня Вероника влетела в мой кабинет и с гордым прищуром продемонстрировала колечко с шикарным бриллиантом.

– Сколько? – едва сдерживая возбуждение, спросила она.

Я догадался, о чем речь и предположил:

– Два с половиной.

– Четыре! – радостно взвизгнула Вероника. – Четыре ка-

рата!

Глядя на счастливую женщину, я понял, что песенка «Лучшие друзья девушки – это бриллианты» написана знающим человеком. Депутат нащупал «ахиллесову пяту» Вероники. Что там автомобили и тряпки – они портятся и выходят из моды, а бриллианты – это вечность!

В тот день Вероника обежала все кабинеты наших дам при должностях, отражая бриллиантовым блеском их молнии зависти. На собеседования с молодыми девицами она больше не ходила.

Вскоре на рабочем столе Вероники появилась профессиональная лупа ювелира и справочник по бриллиантам. Порой он рассматривала фотографии заморских кинодив в глянце-вых журналах и комментировала:

– У этой «эмеральд». Ну что это за форма. Она бы еще «овал» или «принцессу» напялила. Нет, самые чистые камни гранят классически – 57 граней!

И Вероника скромно косила глазки на свой пальчик.

Однажды Вероника с порога сунулась ко мне буквально нос к носу. Она дергала головой вправо-влево и всем своим восторженным видом спрашивала: «Ну»!

Меня охватила паника. Что я должен похвалить на этот раз? Явно не блузку, раз она не выпятила грудь. И не туфли, тогда бы она фланировала из угла в угол. Может, моя начальница сменила прическу, или ждет, чтобы я оценил какие-то особые духи?

Вероника не выдержала и подсказала мне, коснувшись мочек ушей. Там сияли кругленькие бриллианты.

– Три карата! Каждый!

– Шесть, – с облегчением выдохнул я и выпучил глаза от восторга.

– Да! Знаешь, как трудно подобрать два камня с одинаковыми характеристиками по цвету и чистоте.

Вероника продемонстрировала сертификат и объяснила, насколько крутые у нее бриллианты. В ближайшие дни эту новость предстояло узнать всем ее знакомым.

Дамы с тахикардией переваривали эту информацию. Кто-то из завистниц уязвил Веронику правилом аристократок: что на руке должно быть больше карат, чем в ушах.

Не на ту напали!

Не знаю, сколько раз пришлось Веронике ласково нашептывать на ушко, прежде чем депутат раскошелился на новый презент. Как расчетливый бизнесмен он проявил смекалку и воспользовался схемой «trade in». Взамен четырех карат Вероника получила на пальчик шесть с половиной в обрамлении бриллиантовой мелочи. Доставил кольцо Веронике лично директор фабрики «Смоленские бриллианты». Тут уж любая завистница упадет в осадок и покроется плесенью.

Затем была подвеска от «Cartier», браслет от «Tiffany» и много других драгоценностей. В общем, Вероника накопила на черный день.

И правильно сделала!

Я стал писателем, ушел из компании и не видел Веронику пять лет. Недавно она мне позвонила. Ее депутат получил пост губернатора и «оказался сволочью».

– Наверное, поэтому и назначили, – пошутил я.

– Остальные еще хуже, – без тени усмешки согласилась Вероника. За этой фразой чувствовался жизненный опыт.

Депутат бросил Веронику. Она потеряла должность и погрузилась в восточную философию. А на днях у нее свинтили номер с тремя восьмерками и предложили выкупить.

– И что? Ты согласилась?

– Он же счастливый.

По «сигнальным» вздохам я догадался, что Веронике одиноко, и она не прочь встретиться. Я прикинул, на сколько карат потянут мои гонорары, и вынужден был отказать.

Правильная

Двадцатого декабря Оксане исполнилось тридцать лет. А двадцать пятого декабря был новогодний корпоратив в ресторане. Что здесь общего? Да ничего! Кроме сущей мелочи: чертовски паршиво изображать веселье, когда на душе тоска. Жизнь перевалила на четвертый десяток (о, ужас!), а ты до сих пор не замужем.

Все подружки уже прослушали марш Мендельсона, некоторые успели бросить суженых-ряженных, даже младшая сестра Ленка на пятом месяце беременности втиснулась в белое платье до пола, заполучила колечко на безымянный пальчик, и выдрессировала мужа гулять с коляской по выходным.

У всех, как у людей, только у Оксаны всё сикось-накось. И не сказать, что некрасивая. Наоборот! Фигура – слюнки у мужиков текут, особенно, если сзади смотреть. На модную одежду денег не жалеет. В фитнес-клубе три раза в неделю калории сгоняет, и сладкого совсем не ест. Правда, грудь маловата, и лицо широковато. Но зато умная и неплохо зарабатывает!

Оксана всю жизнь слыла правильной. В школе отличница, в институт на бюджет поступила и с красным дипломом закончила, между прочим. Это помогло в крупную компанию пристроиться. На работе она других не подсиживала, что по-

ручали, выполняла в срок и качественно. Начальство оценило прилежность правильной сотрудницы. Так незаметно Оксана и продвинулась по служебной лестнице. Сейчас больше ста тысяч у нее в месяц выходит, если отдел план выполняет. Для одинокой девушки более чем достаточно.

За новую «тойоту» Оксана досрочно кредит погасила, а год назад ипотеку оформила. «Двушку» в Орехово-Борисово приобрела и от родителей съехала.хлопот было много, но квартира того стоила. Двадцать лет, правда, предстоит кредит выплачивать, зато есть, где личную жизнь вести.

Появился у Оксаны и парень. Петей зовут. Ему тоже тридцать, он менеджер в автосалоне. Ухаживает Петя, конечно, не очень, всё больше в кино таскает да по кафешкам самообслуживания, но что приятно – всегда в костюме, при галстуке, и ростом на полголовы выше. А Оксана не пигалица, она и в балетках в метро может прически по макушкам изучать.

Как только у Оксаны квартира появилась, Петя к ней переселился. Первое время это Оксане нравилось, можно при случае сказать, что в гражданском браке живет. Только два подряд канцеляризма «гражданский» и «брак» образованную Оксану угнетали. Она надеялась, что Петенька к тридцатилетнему юбилею возлюбленной разродится официальным предложением. Тем более, он сам на сюрприз намекал.

И что вы думаете? Вместо обручального кольца торжественно распечатал пакет с нижним бельем. Красного цвета, разумеется. Себе подарок сделал, козел!

В день корпоративной вечеринки девчонки на работу пришли наряженные. Самые шустрые и в парикмахерскую успели заскочить. Оксана проигнорировала всеобщую суету. Джинсы, кофта с отворотом, вдумчивый взгляд на дисплей и телефонные разговоры только по делу. Лишь в конце рабочего дня шмыгнула в туалет и выпорхнула через пять минут в черном обтягивающем платье и туфельках на шпильках.

Для вечеринки компания сняла банкетный зал. Как водится, через час веселье стало мало управляемым. Со сцены выступали вчерашние второсортные звезды, произносились все более фривольные тосты, народ «зажигал» и отплясывал.

За столом рядом с Оксаной оказался Максим. «Сколько ему? Двадцать два, двадцать три?» – гадала Оксана, когда парень в очередной раз пытался наполнить ее бокал. «И зачем клинья подбивает? Я же старше его на пол жизни».

И тут в третий раз позвонил Петя.

– Пора закругляться. Приезжай, – бурчал он в трубку

– Я тебя не слышу! – пискнула Оксана, направив телефон к сцене. И сунула его на дно сумочки.

К черту нерешительного Петю! К черту правильную жизнь!

Ее глазки стрельнули в настырного Максима. И понеслось! Они танцевали и чокались бокалами. Когда Максим в медленном танце стиснул ее ягодицы, она не отвела наглуую руку. Парень оказался настойчивым. А Оксане было всё равно.

Максим овладел ею в комнатушке, которую выделили под раздевалку. Порвал колготки, сдвинул трусики и всадил сзади. Ой, ё! Даже не надел резинку! Оксана вывернулась в решающий момент, но плевков спермы испачкал белье. Колготки пришлось выбросить. Немного подумав, она сняла подаренные Петей трусики и сунула их во внутренний карман пальто начальника отдела. Мужик наклюкался, а женушка, говорят, у него ревнивая!

В платье без нижнего белья поначалу было жутко. То и дело хотелось подол прижать. Но скованность отпустила быстро. Вместо нерешительности нахлынуло такое ощущение озорства и свободы, которое не получишь и после бутылки шампанского!

Сверкали огни, гремела музыка, Оксана неистово крутила бедрами в быстром танце, и холодок, ласкавший промежность, обжигал искрами радости.

Уставшая, она плюхнулась за стол. Максим тут же нашел бутылку, в которой еще оставалось вино. Они выпили и заговорщицки переглянулись.

Унылым дребезжанием телефона в глубинах сумки напомнил о себе Петя:

– Оксан, ты когда будешь дома? Хочешь, я за тобой приеду?

– Я хочу, чтобы ты ушел, – отчеканила Оксана нахлынувшее решение. И совершенно неожиданно у нее сорвалось с языка: – Выметайся из моей квартиры! Я приеду с другим!

Максим, подавив похабную ухмылку, положил руку ей на бедро. А Оксану понесло.

– Найди такси и подгони ко входу. Я боюсь простудиться. У меня же там – ни-че-го, – прошептала она и рассмеялась.

Максим сдвинул пальцы выше, понял, о чем речь, и неистовой прытью бросился исполнять поручение.

На заднем диване такси, они целовались. Опьяневший Максим норовил просунуть руку туда, где ничего, а она сжимала бедра и не пускала. Хмурый таксист чужих кровей косил черным взглядом и порой резко тормозил.

В лифте Максим припечатал Оксану к стенке. О боже, как заводят самцов девушки без трусиков! Уймись, здесь же неудобно!

Освободив разгоряченные губы, Оксана открыла дверь ключом. Яростные глаза Пети искрились в прихожей, как лампочки в испорченных патронах.

– Это он? Да, он?! – пошел в наступление Петя.

Оксана юркнула в квартиру, оставив мужчин разбираться на лестничной клетке. После короткой схватки Максим поспешил слинять, а Петя полчаса скулил под запертой дверью. Оксана открыла дверь, чтобы сжечь все мосты:

– Ты зря старался, у меня с ним было! Сегодня, в гардеробной на корпоративе!

Петя надул щеки и засопел, словно обиженный ребенок.

– Забирай вещи и уходи! – выпалила приговор Оксана.

Понурый Петя прошел в комнату, потеряно заозирался и

беспомощно опустился на диван. Он сцепил пальцы и молча смотрел в пол.

– Ты уйдешь или нет?

– Не уйду.

– Я же изменила тебе!

– Оксана! – Петя поднялся, но непостижимым образом оказался ниже ее. И тщетно норовил поймать ускользающий взгляд девушки. – Я не могу без тебя. Не могу! Ты мне нужна! Я сидел один, дергался, звонил, ты не отвечала, а мне в голову лезли самые страшные мысли. Я боялся за тебя и думал, чтобы не случилась, любая авария, катастрофа, болезнь...

– Что ты несешь?

– ... я всегда буду рядом с тобой.

– Какая болезнь?

– Я люблю тебя, Оксана! – Петя выдохнул признание так искренне, что Оксане стало стыдно за свою издевательскую интонацию. Петя сжал ее плечи и заглянул в глаза. – Я хочу, чтобы мы всегда были вместе. Выходи за меня замуж.

О, господи! Она услышала те слова, что уже год пыталась вытянуть из парня. Она старалась быть пайнкой, научилась печь тонкие блинчики, как его мама, вникала в его проблемы, и мужественно смотрела гонки «Формулы-1». Она всё делала правильно, как советуют в женских журналах. Любимый мужчина был доволен, но не звал ее замуж. И вот, когда она ему изменила и послала к черту, он вдруг стал нежным

и обходительным.

– Ты сказал это, чтобы меня позлить? – на всякий случай уточнила она.

– Оксана, – промычал он, и опустился на колени. В его животном стоне слышалась такая мольба и боль, которую невозможно было сыграть. Петя обхватил ее за бедра, прижался щекой к животу и снова простонал: – Оксана, я не могу без тебя.

У девушки закружилась голова. Несколько минут пролетели как вечность, пока она пришла в себя.

– Оксана, прости. Я дурак!

Вот это да! Она изменила, а он извиняется.

– Ты выйдешь за меня? – снова спросил он.

Оксана молчала, слегка прищурившись.

– Ответь хоть что-нибудь, – взмолился Петя.

Оксана толкнула его на пол. Он упал на спину, а она встала над его лицом, расставив ноги. Он увидел ее откровенную наготу и обомлел. Оксана расчетливо опустилась на колени и накрыла самым интимным местом его губы. Она никогда так не делала, но сегодня был день, когда всё шло не по правилам.

Она почувствовала, как он целует. Жадно и неистово. А потом его быстрый язык проник в нее. Оксана упала грудью ему на живот и расстегнула молнию на мужских брюках.

Они ублажали друг друга, поднимая все выше и выше градус возбуждения. А перед тем, как окончательно содрогнуть-

ся, она откинулась и, наконец, ответила ему во весь голос, совершенно не заботясь о покое соседей.

– Да! Да! Да!

Девоти Боря

Борис узнал, что он Девоти в тридцать пять лет. Не подумайте дурного! Девоти – это те, кто млеет от Ампути – женщин с ампутацией ноги или руки.

До роковой поездки летом в Геленджик Борис слыл обычным мужиком. Жил в Нижнем Новгороде, крутил баранку фуры по дорогам России, бухал в меру, девок «плечевых» драл иногда, и не возражал, если коллеги «на хвост сядись». Ребят понять можно, в рейсе всякое бывает. А 195 сантиметров роста и 115 килограммов веса кого хочешь впечатлит, если с монтировкой и кривой улыбкой из кабины показаться.

Когда гормоны приперли, внушительный Боря взял в жены маленькую Галю, буфетчицу из кафе на трассе. Хотелось, чтобы после рейса дома ждал не пустой холодильник, а накрытый стол и баба. От Гали пахло любимой солянкой, она нежно тыкалась носом в грудь, смешно вытягивала шею и поднималась на цыпочках, подставляя раскрытые губы. Нравятся большим маленькие, что тут поделаешь.

Судьба перевернулась, когда Боря и Галя с трехлетним сынишкой отдохали в Геленджике. Борис раскошелился на приличную гостиницу в пяти минутах ходьбы от моря, да еще с бассейном, хотя и маленьким.

И в первый же день увидел ее!

Остроносая девушка с черными кудряшками плавала в бассейне и шурилась от солнца. А потом случилось солнечное затмение. Девушка приподнялась на руках и села на бортик бассейна. С мокрых волос по бронзовой коже скользили искристые капли. Часть капель юркала в ложбинку лифчика, а остальные устремлялись напрямиком к обтягивающему треугольнику черного бикини. Взгляд Бориса, как капля, прошел этот путь до конца. И он обомлел. В этот момент и грянуло индивидуальное затмение, только для Бориса.

У девушки не было правой ноги. Вообще! Нога заканчивалась на середине бедра гладкой и загорелой культей.

– Ты чего? – Бдительная Галка одернула мужа. Однако, увидев, на ком застыл его взгляд, успокоилась и шикнула: – Не пялься на инвалидку.

Весь день Борис ходил как пришибленный. Когда жена уложила сына и покорно прижалась под одеялом, Борис невольно отодвинулся. «С утра ночнушку задерет», – решила Галя, отвернулась и засопела.

Но ни утром, ни вечером, ни через день Борис не лапал жадными ручищами женские прелести. Гале такой отдых только нравился. И от плиты отдохнет, и нигде не натрет.

Порой она перехватила взгляд мужа на инвалидку, но не придавала значения. Ну, кто из-за безногой будет ревновать? На бедняжку и другие на пляже косятся, когда, оставив костыли, она прыгает к морю на одной ноге. Жалко калеку.

А Бориса торкнуло капитально. Он не мог отвести взгляд

от «одноножки». Ему нравилось в ней всё – черные кудряшки, прищур ресниц, стройное тело, но особенно его заводила коротенькая ножка с необычайно гладкой кожей. Когда девушка загорала, раскинувшись на полотенце, он то и дело проходил рядом и с трудом сдерживал себя, чтобы не погладить объект вожделения.

Однажды он увидел растерянность на лице девушки. Кто-то утащил ее костыли. И тут их глаза встретились. Это произошло не в первый раз, но сейчас Борис понял, что должен сделать. Он подхватил девушку на руки и понес в отель. Идти было всего метров триста. Но даже, если бы метры превратились в километры, Борис не выпустил бы драгоценную ношу и не почувствовал усталости. На его ладони лежала гладкая культя, а сердце переполнялось теплой нежностью.

Борис занес девушку в номер и посадил на кровать. За спиною доводчик захлопнул дверь. Борис рухнул на колени, обхватил короткую ножку руками и покрыл ее трепетными поцелуями.

– Это на спор? Чтобы с калекой, – заслонило рукой девушка.

– Ты необыкновенная, ты неповторимая, ты особенная, – захлебывался от восторга большой мужчина, никогда не произносивший ласковых слов.

Ему казалось, что он всю жизнь таскал рюкзак с камнями и сейчас сбросил его. Лавина нежности прорвала глухую плотину и опрокинула мужчину и женщину в объятия друг

друга. Такого восторга Борис никогда не испытывал.

А вечером в номер громко постучали. На пороге стояла Галина, и прежде чем Борис отпрянул от ее крика, он увидел, как дергается ее щека. Галина набросилась на «гребаную суку», норовя расцарапать ей лицо. Борис стиснул остервеневшую жену и утащил в свой номер.

Галка сначала скандалила, потом долго дулась и пила водку. К ночи она во всем винила «коварную тварь», вспомнила о мужском воздержании и попыталась исправить оплошность, припав губами под одеялом к «неугомонному дружку». Борис брезгливо оттолкнул жену. Он не понимал, как мог столько лет делить постель с обычной женщиной, когда в мире есть особенная и неповторимая!

Под утро его погнала из номера неясная тревога. Чутье не подвело. Девушка без ноги уезжала из отеля. Таксист грузил ее багаж. Девушка опиралась на трость, а из-под ее летних брюк торчал негнувшийся протез, прикрытый носочком и бо-соножкой.

В груди Бориса разверзлась холодная пустота. Он вдруг понял, что если сейчас упустит ее, то так и останется на всю жизнь сдутым шариком, приваленным рюкзаком с камнями.

– Это я спрятал костыли, – неожиданно признался он. – Я хотел познакомиться.

– Света. – Девушка протянула руку.

– Боря. – Борис сжимал хрупкую ладошку и ощущал, как жизненные силы возвращается к нему.

Они глядели в глаза друг другу и мололи всякую чепуху.

– Ты Света, а волосы черные.

– Я перекрашусь.

– Я просто так сказал.

– А я давно хотела попробовать. Ты любишь блондинок?

– Я тебя люблю.

– У тебя жена и сын.

– И у нас будет.

– Я из Ростова-на-Дону, а ты?

– Теперь не важно. В Ростове тоже дальнбойщики нуж-

ны.

– У меня поезд прямо сейчас.

– Мы вместе поедem.

– У тебя нет билета!

Борис успокоил подошедшего таксиста:

– Подожди секунду, друг.

Он сбегал в номер и взял документы.

– Что, уже завтрак? – продрала глаза жена.

– Да спи ты!

Борис сел со Светой в машину и приказал таксисту:

– Дуй в Новороссийск! Там наших много.

Из Новороссийска в Ростов-на-Дону их подвозил дальнбойщик, любивший сальные анекдоты. С балагуром время пролетело быстро.

Через полгода Борис развелся с Галей и взял в жены Свету. Всё это время Галя пыталась снять колдовские чары «од-

ноногой шлюхи» и показать мужа психиатру. А Борис уже знал, что он Девоги, который не может жить без Ампути.

«Это нормально! Нормально! Нормально! Это не отклонение психики, а любовь».

Через год у Бориса и Светы родилась славная дочурка. Когда она начала ходить, Борис с каким-то странным сожалением смотрел на бодро топающие ножки девочки.

Давным-давно

Мне тогда едва исполнилось семнадцать. Я только что поступил в желанный институт, и не было, наверное, в мире человека более беззаботного, чем я. Вступительные экзамены на факультет прикладной математики были позади, а учеба еще не начиналась. Эти десять дней безвременья были пронизаны самым буйным юношеским оптимизмом, и вся дальнейшая жизнь виделась мне прямым путем от одного успеха к другому. В конце этого пути я неизбежно становился известным академиком и лауреатом Нобелевской премии, а затем моя обескураженная фантазия билась в пустоте.

Представьте себе молоденький березнячок с шумливыми листочками приткнувшийся на крутобоком холмике. Из-за горизонта кокетливо выглядывает солнце, стреляет озорным пылким взором и осыпает березки россыпью игривых щеко-чущих лучей. Вот такое было у меня настроение, и в этом я был не одинок.

Вся наша дружная, хотя и несколько поредевшая компания вчерашних абитуриентов, живших в общежитии, чувствовала себя также. Не теряя времени, одни из нас доказывали теорему Ферма, другие – гипотезу четырех красок, а некоторые усердно наяривали и за тем и за другим. До обеда обычно шли на приступ гипотезы, а после столовской еды морщили лбы над доказательством теоремы.

Только мой одноклассник Шура Евтушенко разрабатывал философскую теорию о пространстве и времени. Пространством для раздумий ему служила наша небольшая комнатенка с тремя скрипучими железными кроватями и столом посередине, а временем он себя не ограничивал. Комната находилась на втором этаже, и единственное окно выглядывало пыльными стеклами прямо на обширный захламленный консервными банками и окурками козырек над входом в общежитие. Этот козырек мы почитали за свой балкон, и Шура, специально расчистив место, часто сживал там на стуле, вперив неподвижный взор в бесконечность.

Время от времени кто-нибудь, бухнув дверью, врывается в нашу комнату с очередным доказательством. Я стучал по батарее, и собравшийся люд в пух и прах развенчивал едва вылупившегося гения. Народ был беспощаден. Каждый твердо верил, что только он способен на великое, и сил для изобличения чужого невежества не жалел.

Помнится, мое доказательство гипотезы четырех красок держалось дольше всех: с пол восьмого вечера до без пятинадцати четырех утра. Мужики уже осоловели от напряжения, изничтожили всё курево с первого этажа по пятый, но я стойко отражал их нападки на свое детище. Народ мрачнел, но не расходился. Наиболее слабые и дальновидные уже нашептывали мне: «Сергея, когда тебя заберут в академики, ты мне местечко профессора там подыщи», а практичный Боня, поглядывая на часы, повторял: «Это дело надо отметить».

И тут я сам заметил ошибку! Шквал всеобщего облегчения качнул общежитие. Проснулась дежурная на первом этаже, и устало пошлепала по ступенькам к нашей комнате. Растаявшая, было, мечта водворилась в свои заоблачные выси.

Абитурой себя мы уже не считали, но и слово «студент» представлялось нам чем-то чужим и холодным. Оно напоминало незнакомую бурлящую речку, и мы осторожно пробовали пальцами ног воду, однако бухнуться с головой не спешили.

А по вечерам мы устремлялись на танцы.

Надо уточнить, что дело происходило в военном городе рядом с космодромом Байконур. В таких местах пенсионеров не бывает, средний возраст соответствует трем маленьким звездочкам на погонах, и любой полковник смотрится стариком.

Танцплощадка угнездилась среди тополей за Домом Офицеров в самой глубине парка. С трех сторон к ней тянулись прямые аллеи, а с четвертой невысокая земляная дамба отгораживала ее от реки Сырдарья. Еще лет десять назад эта дамба служила по своему прямому назначению и частенько спасала город от полноводных разливов. С тех пор орошаемое земледелие продвинулось далеко вперед, а река, подавленная могуществом человеческого гения, смущенно отошла от дамбы на добрую сотню метров. На этом пространстве понатыркали различных киосков, скамеек, беседок, но проводить освещение не торопились. Как только темнело, отсюда слы-

шалось бряцанье гитар, громкий гогот, тонкий писк и много других непонятных звуков, говоривших о том, что жизнь здесь текла полноводной рекой в отличие от реки настоящей.

Зеленый парк, выращенный кропотливым трудом в пустынной казахстанской степи, горожане любили. Здесь всегда былолюдно, но настоящим местом паломничества он становился по вечерам, когда начинала клокотать человеческой массой жадная до людей танцплощадка. Еще загодя, за час-другой до начала танцев, сюда тянулись стайки принаряженных девиц. Парни, с сознанием собственного достоинства приходили позже, когда основательно стемнеет. И уже к самому разгару танцев подваливали разбитные компании из-за дамбы.

Самым лучшим нарядом для всех считались американские джинсы. Я как-то тоже изъявил желание их приобрести, но когда услышал трехзначную цифру, то был настолько ошарашен, что решил оставить эту идею своим потомкам.

Наша компания едва вылупившихся студентов выходила из общежития часов в девять. Шли быстро, но всё равно успевали заниматься по пути всякой чепухой. Как-то два дня подряд мы переносили старенький похожий на божью коровку «Запорожец» и ставили его впритык между деревьями. На третий день около него бродил суровый мужчина, провожавший всех прохожих мрачным недружелюбным взглядом.

По мере приближения к танцплощадке, сначала становились слышны глухие, отдающиеся в груди, удары большого

барабана, причем казалось, что эти удары исходят из-за наших спин и из-под ног. Затем к ним присоединялось бумканье бас гитары, и только когда мы ныряли в зияющий чернотой провал аллеи, редко подсвеченной высокими, cedящими сквозь листву желтый свет фонарями, вся какофония звуков обрушивалась на наши тренированные барабанные перепонки.

Шура считал своим долгом объяснить всем, с какой частотой колеблются эти самые перепонки и как звуковые сигналы от них воспринимаются нейронами мозга. После его заумных речей у меня, почему-то, начинали чесаться уши. К счастью для моих ушей, на танцплощадку Шура ходил редко. Он всегда рьяно доказывал, что танцы не играют никакой роли в глобальном процессе развития человечества, и под эти возгласы мы обычно силой вытаскивали его из общежития. Так мы прививали друг другу дух коллективизма и товарищества.

А уж кого никогда не надо было звать на танцы, так это Бориса и Боню. Боня был самым старшим из нас. Он успел отслужить в армии и являлся обладателем необыкновенно густой и плотной шевелюры, похожей на львиную гриву. За эту шевелюру его и окрестили Боней по имени льва Бонифация из известного тогда мультфильма. Правда, многим казалось, что его прическа сильно смахивает на прически певцов из группы «Бони М», отсюда, мол, и его прозвище. Злопыхатели даже утверждали, что он специально для этого делает

«химию», но мы то знали о его безгрешности в этом вопросе и всячески защищали от гнусных наветов.

Бориса какой-то шальной ветер занес в далекий Казахстан из Москвы. Он одевался в фирменные шмотки, отлично пел и играл на гитаре. Этого было более чем достаточно, чтобы легко кружить головы местным девчонкам. Если применить банальное сравнение, то Борис и Боня чувствовали себя на танцплощадке как две большие хищные рыбыны в просторах океана, я напоминал пресноводную рыбешку, случайно оказавшуюся в соленой воде, а Шура – живого карпа в очках на сковородке. Остальные наши приятели в основном были из моего пруда.

Танцплощадка была круглой, и все почему-то стремились сгрудиться поближе к центру. Если бы раскрасить ее как карту с плотностью населения, то рисунок имел бы четко выраженный концентрический характер с плотностью в центре четыре-пять человек на квадратный метр, с уменьшением до подпирющих ограду подружек-дурнушек. За оградой тоже было людно, там «дышали воздухом» сердобольные мамыши, интересующиеся личной жизнью своих чад.

Наша компания всегда стремилась пробиться в самую гущу. Отвоевав пространство, мы как все цивилизные люди начинали танцевать, кто во что горазд, зыркали по сторонам на девиц, и всем своим видом показывали – мы чуваки хоть куда!

А вокруг всё шло как обычно. Каждый с отрешенным

видом дрыгал руками и ногами, незаметно посматривая на окружающих. На сцене неподражаемый Бут, про которого ходили упорные слухи, что он стажировался в самих «Песнях», выделял неопишуемые кренделя на соло гитаре. В начале каждого медленного танца девушки как сквозь сито просеивались от центра к краям танцплощадки. Правда, в этом сите застревали наиболее тонкие и стройные, а крупные обычно успешно достигали металлической ограды, стояли там, с показным равнодушием взирая на толпу, или чересчур оживленно беседовали. Парни, не решившиеся пригласить девушек, в это время напряженно, как истинные ценители в консерватории, слушали музыку и делились глубокомысленными замечаниями о мастерстве исполнителей.

Я почти всегда оказывался в их числе. Когда же, в конце концов, я отважился и приглашал девушку, то выпаливал заранее подготовленную фразу: «Неплохо сегодня играют ребята», слышал в ответ: «Клево!», и считал на этом программу общения между полами исчерпанной.

В отличие от меня Боня с Борисом в холостую столбами не торчали. Боня искал партнершу, рассматривая девиц снизу вверх. Он утверждал, что таким способом экономит время, потому что зачастую взгляду становится скучно уже на полпути. Близорукий Борис, стеснявшийся носить очки, напротив, слонялся по всей танцплощадке и бесцеремонно заглядывал девушкам в лица. Найдя симпатичную мордашку, он приглашал девушку, и уже в процессе танца, ошупывая при-

глянувшийся экземпляр, окончательно решал, продолжить знакомство или нет.

Как-то раз минут за двадцать до окончания танцев ко мне подошел Боня и уверенно улыбаясь, попросил:

– Серж, проводи, девушку. Ей домой пора, а она далеко живет.

Я обалдел. Сказал он это таким тоном, будто я каждый день провожаю девушек и мне это чертовски приятно, особенно, когда они далеко живут. Правда, далеко – в масштабах нашего города означает минут тридцать ходьбы, но все-таки. Девушка стояла рядом. На вид ей было лет девятнадцать, и она мне тогда показалась просто старухой. На ее лице выделялись выпяченный уточкой губы и неуклюжие прямоугольные очки с толстыми стеклами. Ну, думаю, подфартило!

– Ладно, Лен, он тебя проводит. Пока, – кивнул Боня и втиснулся в заколыхавшуюся толпу. Видимо для себя он нашел экземпляр получше.

Девушка вопросительно смотрела на меня. Я собрался с духом и как можно более развязно спросил:

– Ну что, пошли что ли?

Прозвучало это довольно неуверенно. Я еще никогда не провожал девушку после танцев и как при этом себя вести, представлял смутно. Помнил только, что Боня как-то поучал нас: «Надо стараться запудрить ей мозги, они это любят, и обязательно попытаться поцеловать в первый же вечер». Но

целовать ее почему-то совсем не хотелось, а пудрить мозги, мне казалось, я не умел.

Когда мы вышли из танцплощадки, мимо нас, обняв за плечи стройную девушку, прошел Борис. Увидев меня, он сально улыбнулся, бесцеремонно рассмотрел мою спутницу, попросил несколько сигарет, вновь обнял свою девушку и направился с ней прямо за дамбу в крошечную темноту.

Сделав несколько шагов, он обернулся и крикнул:

– Серега, а ты как, это ... ночевать сегодня придешь?

У меня аж дыхание перехватило. Да что он, издевается что ли, куда же я денусь? Но в тот же миг во мне будто дернулась какая-то самолюбивая струнка – чем я хуже других – резонансом отозвались другие струны, и аккорд за аккордом зазвучал в груди бравый марш, наполняя тело разудалой уверенностью.

– Посмотрим, – невозмутимо ответил я и уперся наглым взглядом в выступающую грудь своей спутницы.

Она смутилась и поправила бретельку. «Так держать!» – приободрил я себя. В руках у меня оставалась пачка болгарских сигарет, и небрежно предложил их девушке.

– Стало быть, тебя Леной зовут. Что ж пойдем, Лена-Ленуха, провожу. А меня, как ты, надеюсь, поняла – Сергей.

Закурить она отказалась, и я сам только две недели назад начавший покупать сигареты больше из-за престижа, чем из-за потребности, глубокомысленно изрек:

– Женщина – создание хрупкое. Ей курить ни к чему.

С этими словами я затынулся и смачно сплюнул через щербинку в передних зубах. Мы шли в метре друг от друга по парковой аллее, и я думал, должна ли она взять меня под руку, или мне ее обнять за плечи по примеру Бориса. Но Лена задрала свою носопульку вверх и тарасилась на звезды. Из кустов, откуда тянуло арычной сыростью, вылетали ленивые августовские комары. До моих голых рук они не долетали, но то и дело бесстыже цеплялись за Ленины ноги, и ей приходилось отмахиваться.

– Пить хочешь? – спросил я, когда мы проходили мимо автоматов с газированной водой.

– Если только немножко.

Я подал девушке стакан воды, она отпила половину и сказала, что больше не может.

– Слабовато, – пробурчал я, и хотел, было, поделиться сведениями из анатомии, что у женщин мочевого пузыря в среднем на двести граммов больше чем у мужчин, но передумал, и демонстративно выпил два стакана, хотя жаждой не мучился.

– Можно бы и третий, – лениво выговорил я, – да трешки больше нет.

На мою беду Лена порылась в сумочке и протянула мне трехкопеечную монетку:

– Возьми, пожалуйста.

Это было слишком, но слово не воробей – вылетело, не воротишь, и я стойко выпил третий стакан. Потом достал си-

гарету и, не спеша, закурил.

– Вот глупая армейская привычка. До армии, совсем не курил, а сейчас, никак не могу отвыкнуть, – неожиданно соврал я.

– Ты в армии служил? – удивилась девушка.

– Да, в погранвойсках, – невозмутимо брякнул я и икнул. – Мужчина, на то и есть мужик, чтобы в армии служить, – добавил я для вескости и вновь икнул.

Это было совсем не кстати. Тот образ мужественного пограничника, который внезапно возник у меня в голове никак не вязался с дурацкой икотой.

– Стукни-ка мне по спине, – попросил я.

Лена хлопнула ладошкой, будто комара убила.

– Да ты что, стучать (я икнул) не умеешь. Как следует бей.

Она шлепнула разок, потом еще несколько раз, но икота не пропадала. Наоборот, она стала более частой, и я стабильно заикал каждые пять секунд, как швейцарский хронометр.

– Может тебе воды попить, говорят, помогает, – предложила она.

– Что воды!?! (Я икнул.) Вот, черт, ладно, надо попробовать. (Я снова икнул).

Лена дала мне три копейки, я выпил и заикал с частотой в пятнадцать секунд.

– Уже лучше, – констатировала девушка и протянула мне новую монету.

Я ослабил ремень на штанах, насильно влил в себя пятый

стакан и прислушался. Внутри всё было тихо. Наконец-то! Но, прислушавшись к организму, я понял, что мне жгуче хочется совсем-совсем другого. Прямо противоположного тому процессу, которым я только что занимался!

– Вот невезуха, – вслух сказал я.

– Ты о чем?

– Да так, ерунда.

– Что-нибудь случилось? – участливо пучила глаза Лена, разглядывая меня сквозь очки.

– Пока нет. Но... Пойдем быстрее.

Мы пошли. Я старался не думать о жгучем желании, но чем больше я старался, тем очевидней становилась потребность. Молчание Меня не тяготило, но Лена пыталась поддержать разговор. Протопав метров сто, она одернула меня и спросила:

– А тебе было не страшно?

– Икота – это разве страшно, – махнул рукой я, – так, пустяки.

– Нет, я про границу. Ночь, шпионы там всякие – не страшно?

– Граница? Ерунда, чего там может быть страшного. Пойдем.

– А всё-таки, – не унималась она, стоя на месте.

– Да я не на заставе служил, а на контрольно-пропускном пункте. Кошице называется, на чешской границе. Идем быстрее, не стой. Машины проверяли, автобусы, ну там, что-

бы чего запрещенного не провезли. А то ведь всякое везут: наркотики, подрывную литературу, порнографию, валюту. Через наш пункт со всей Европы ехали. Служба, тебе скажу, потруднее, чем в любом дозоре. Там всё ясно, враг – он и есть враг, бери на мушку и стреляй. А тут все хорошенькие, улыбаются, попробуй, разбери, кто есть, кто.

Меня будто прорвало. Я несся по тротуару и шпарил, и шпарил ей всё, что прочитал недавно в большой статье в «Известиях» про погранично-пропускной пункт. Лена не отставала, похоже верила, время от времени указывала дорогу, и смотрела на меня уже с не скрываемым интересом. А мне лишь бы ее до дому поскорее довести, одному остаться. Сочинял на ходу:

– Вот мы раз с Володькой стояли на дежурстве, Володька – приятель мой из Чернигова, ну и лейтенант с нами. Подъезжает «мерседес», желтый такой, яркий. Мы подходим, как положено, ваши документики, говорим, покажите, куда едете, что везете. В машине, значит, двое сидят: мужчина, такой пожилой солидный, и деваха с ним молоденькая, ножки из-под юбочки торчат длиннющие, волосы распущенные и вся из себя расфуфыристая. Вижу из ФРГ птички, мы их научились за километр различать, кто откуда. Даже спорили часто, меж собой загадаем, потом по документам проверяем. Вообще, игра эта, скажу тебе, для салага, тем все на одно лицо, а у стариков, глаз – алмаз.

– И ты угадывал?

– А то! Короче, Володька документы проверяет, а девица в это время выходит из машины, потягивается, кофточка у нее выше пупка задирается. Всё ясно, отвлечь наше внимание хочет. Но мы ребята тертые, и не такое видели, спокойно делаем свое дело. Просим открыть багажник. Немец выходит, равнодушно открывает и закуривает. Мы проверяем, вроде всё в порядке, ничего такого запрещенного нет, но я чувствую, что-то здесь не то. Непроста эта девица изгибается, наше внимание отвлекает. Нагнулась, туфельку сняла, мол, камешек попал, и глазками постреливает. Но мы с Володькой железные – не реагируем. Она еще ниже наклоняется, у нашего лейтенанта глаза помутнели, он мысленно уже весь там, под юбкой, а я лихорадочно соображаю, что же они затеяли. Володька в салон заглянул, бардачок приоткрыл, покопался – ничего. А время идет, вроде и отпустить машину можно. Володька паспорта проштамповал, прощаться начал, счастливой дороги желает, и тут, меня будто пуля со всего размаху в бронежилет саданула.

Я замолчал, лихорадочно соображая, что же там дальше могло произойти. Не так-то просто, оказывается, байки сходу травить. Лена немного забежала вперед и, не останавливаясь, полуобернувшись ко мне, участливо спросила:

– Выстрелили в тебя, да?

– Ну, ты даешь! – мне стало смешно, но, в миг посерьезнев, я добавил, – Хотя, конечно, и такое бывало. Но, тут другое. Смотрю, у них за сиденьем около стекла коробка лежит,

вроде как с куклой, вся в ленточках, в целлофане, красивая коробка. Я и говорю, покажите, пожалуйста, что у вас там. Тут они и засуетились. Что вы, это мы подарок везем, развязывать нельзя, красота нарушится. Но я спокоен, покажите, говорю, и всё. Мужик побледнел, залебезил, и так подойдет и этак, улыбается, будто кислых помидоров объелся, короче, подлизывается. Я беру коробку, развязываю, приоткрываю, а там – валюта. Полная коробка дойч марок! Мужик сразу ладошкой мою руку прикрывает и шепчет, мол, половина тебе, половина мне, только тихо. Я, конечно, ха-а, не на такого напал, а он подлюга финку вынимает и на меня. Ну, тут я пару приемчиков применил, он кверху пузом плюхнулся, а Володька в это время девицу охомутил, она, видишь ли, за пистолетик изволила схватиться. Короче, повязали мы их, что надо конфисковали, а им от ворот – поворот.

Лена неожиданно остановилась, я пролетел на несколько метров вперед, затормозил и обернулся:

– Ты чего?

– Это, правда, так всё и было? – недоверчиво спросила она.

– Да, конечно, – ответил я, потупил взгляд и затоптался на месте.

– Вас медалями наградили?

– Какие там медали. Для нас – это обычное дело, – сообщив, что действительно малость подзагнул, вяло ответил я. – Пойдем лучше, а то тебя родители, наверное, ждут.

– Мы уже пришли, – сказала она и направилась во двор. – А скажи, как вы с ними общались, ведь иностранцы на разных языках говорят?

«Вот, черт! Действительно, как же с ними пограничники разговаривают?» – подумал я.

– Да, это... Сама понимаешь, десяток фраз, слова одни и те же, можно, короче, выучить. Да и жестами... В общем, общаться можно. И ты знаешь, многие из них по-русски неплохо кумекают, учатся, наверное, заранее, чтоб ехать-то к нам. И переводчики при некоторых бывают.

Мы вошли во двор и остановились у подъезда. Фонарей здесь не было, бледный свет лестничных клеток и зашторенных окон слегка подсвечивал выбившиеся из прически Лены волосы, а ее лицо скрывала темнота.

– Тут я живу, – тихо сказала девушка, помолчала некоторое время, видимо, чего-то ожидая.

Я тоже ждал. Ждал, когда останусь один, и косил взгляд на ближайшие кусты.

– Мне пора, – вздохнула Лена.

«Да уходи ж ты!» – мысленно просил я.

– Пока! – Лена тряхнула головой и, томно повернувшись, скрылась в подъезде.

Я облегченно вздохнул: наконец-то я один! Хорошо, что не топтались, не понадобилось выдумывать глупые шутки, я и так черти чего насочинял. И целоваться не пришлось – тоже хорошо. Да и как целоваться с теми, кто очки носит?

Непонятно.

Я шагнул к кустам, рука уже расстегивала ширинку.

– Сережа! – окликнули меня сзади.

Я обернулся. Лена высунулась из подъезда, улыбалась и крутила плечами.

– Хочешь, посидим немного? – предложила она.

Я сморщился и сжал живот. Плотина, готовая открыть шлюзы, отозвалась ноющей болью.

– Никакой я не пограничник! – выкрикнул я. – Я всё придумал!

Последние слова и произнес уже на бегу. Оказавшись за углом дома, я дал волю естественной потребности организма. Уф! Вот оно – блаженство!

Колючий мир вокруг меня сразу стал мягким. Я ощутил необыкновенную легкость. Вприпрыжку помчался по дорожке, решил сократить путь, перемахнул через забор детского сада, на одной ноге перепрыгнул через песочницу, в три шага преодолел беседку, не желая обходить ее, и снова, уцепившись за верх забора, легко перескочил через него.

Я чувствовал, что мне доступно всё! Впереди меня ждет что-то большое и праздничное, что я добьюсь всего, чего бы ни захотел, и будет еще много-много встреч с красивыми девушками, будут поцелуи, да такие, что голова пойдет кругом, и не только поцелуи – всё будет! Ведь наша планета и всё, что есть на ней создано для меня и таких, как я. Молодых и дерзких! А тесно будет нам здесь, мы и Вселенную покорим.

Вон сколько звезд на небе, будто тысяча охотников бабахнула дробью из двух стволов по черному куполу, а за куполом – яркий свет. А кто-то изловчился, подпрыгнул повыше и прорезал ножичком дугу, вон там, с самого края, где над железнодорожной станцией сияет молодой месяц. И вся эта красотища для того, чтобы мы мечтали и к чему-то стремились. Чтобы не дрыхли больше положенного, а учились, работали, дерзали, побеждали!

А иначе, зачем же жить-то?

С Леной мы встречались еще не раз, учились на одном курсе в параллельных группах. При встречах она улыбалась, а я конфузился и старался обойти ее стороной. Только однажды она остановила меня и шепнула: «Выше нос, пограничник».

Последний из эрудитов

Лопыреву предстояло провести четвертое собеседование за день. Тоска.

Он пролистал результаты тестов из отдела подбора персонала и посмотрел на соискателя вакансии старшего менеджера. Несмотря на хороший итоговый показатель, Лопырев хмурился. Стандартные тесты гуляют по Интернету, и прожженные соискатели насобачились ставить галочки в правильных квадратиках. Лопырев тесты не уважал. Он окончил школу тридцать лет назад, когда поощрялись нестандартные решения, а тест – это подсказки, где уж тут до оригинальных мыслей.

– Сколько будет 15 % от 300? – задал элементарный вопрос Лопырев.

Соискатель удивился, непроизвольно поискал глазами калькулятор, заскрипел мозгами.

– 45, – прозвучал ответ через минуту.

Лопырев заглянул в резюме, прочел название университета с ничего не говорящим набором слов. «Ну, хоть чему-то там учат».

– Я правильно ответил? – воспрял духом соискатель.

Лопырев покосился на молодого парня. «На полном серьезе спрашивает. Придется еще раз по той же цели».

– В позапрошлом году оборот нашей компании составил

миллиард долларов. В прошлом он увеличился на 10 %, а в этом мы ожидаем снижение на 10 %. Какой оборот получится в этом году?

– Миллиард, – бойко ответил соискатель. Его зарождающаяся улыбка натолкнулась на тоскливое выражение лица Лопырева. – А разве не так?

Лопырев молча написал на листке: « $100 + 10 \% = 110$. $110 - 10 \% = 99$ ».

Пока соискатель тарачился на цифры, взгляд Лопырева упал на перечень личных качеств в резюме. «Стрессоустойчивый. Ну, что ж...»

– Вы готовы ради хорошей должности переспать с женщиной?

Парень сжался, сцепил руки на ширинке и онемел.

– Что такое реализованная наценка? – невозмутимый Лопырев прочел один из вопросов теста, который успешно сдал соискатель.

– Я не понял... – заблеял парень.

– Неправильный ответ.

– Но я не успел...

– Я заметил. Кстати, про «переспать» – шутка. Надо было ответить с юмором.

– Да? Я запомню, – затряс головой парень.

– Запомните? – усомнился Лопырев. – Назовите телефон нашего отдела подбора персонала?

– Номер? Минутку, у меня сохранилось. – Соискатель

схватился за смартфон.

– По памяти! – остановил его Лопырев. – Вы же звонили туда буквально вчера.

В былые времена Лопырев помнил до пятидесяти телефонов. Больше просто не требовалось. А у нынешней молодежи, если сядет аккумулятор в мобильнике – жизнь закончилась. В голове ни одного контакта.

– Я не думал, что это потребуется, – насупился соискатель.

– Допустим. А когда была Куликовская битва?

– Послушайте, я пришел устраиваться менеджером по закупкам, а не историком!

– Вы памятью похвастались. А хвастаться, как оказалось, нечем. Извините, но...

Лопырев развел руки и дождался, пока понурая фигура соискателя исчезла за захлопнувшейся дверью. Шестой неудачник за прошедшую неделю. Сколько потерянного времени! Тоска.

«Материт меня, на чем свет стоит. А что из себя представляет? Отключи такому Интернет, и всё – получишь говорящую обезьяну в костюме».

Десять лет назад Лопырев был вынужден расстаться с должностью старшего научного сотрудника умирающего НИИ, и устроился в торговый холдинг рядовым клерком. Все коллеги и даже начальники были моложе его. Они сыпали иностранными терминами и рисовали на компьютерах кра-

сивые презентации. Лопырев прочел пару книг по маркетингу, прислушался к разговорам, вник в суть презентаций и понял, что его окружают обычные троечники, возомнившие себя великими управленцами. С компьютерами он был на «ты» и быстро формализовал рутинные процессы, превратив их в невидимые формулы, куда требовалось подставлять исходные данные. Более сложные методики довели до ума штатные аййтишники компании, которых маркетологи и закупщики вообще не замечали. А всего-то было нужно, расписать торговые процессы на понятном программистам языке. В результате «креативного» словоблудия в компании побавилось, а толку прибавилось.

Начальство оценило рассудительность Лопырева, и он взбежал по служебной лесенке на должность заместителя директора по закупкам и товародвижению. Быть бы ему и директором департамента, но на этом посту акционер желал видеть презентабельного молодого человека со свободным английским и степенью MBA. Недостатка в подобных деятелях не было. Их нанимали и увольняли, а работу делал Лопырев.

После собеседования Лопырева вызвал Генеральный. В главном кабинете рядом с ним уже сидел хмурый Коммерческий директор.

– Что у тебя творится, Лопырев? – потряс бумагами Генеральный. – Мы получили два контейнера с «угами», а на носу лето!

– Моя зона ответственности продукты питания. Non-food контролирует директор.

– Не важно, кто что контролирует. Проблему надо решать!

– Решим. А сейчас, извините, – Лопырев щелкнул пальчиком по циферблату часов. – Рабочий день закончился.

В этом была еще одна особенность Лопырева. В отличие от молодых карьеристов он не демонстрировал показное рвение, протирая штаны свехурочно. Он приходил и уходил на работу строго по часам. Свою позицию Лопырев отстоял просто: «Если сотрудник не успевает выполнить обязанности вовремя, то одно из двух: или он туп, или перегружен функционалом. К какой категории меня отнесете?» Начальство прекрасно знало, какой воз тянул Лопырев, но время от времени всё равно скрипело зубами.

– Кого увольнять будем? – спросил Коммерческий Генерального, когда Лопырев покинул кабинет.

– Еще спрашиваешь.

Собеседники поняли друг друга.

– А может Лопыреву поручить отбор нового директора по закупкам? Он не ошибется. А то каждый год меняем, – предложил Коммерческий.

– Представляю, кого он выберет. Как мы его покажем акционеру.

– Да уж, – согласился Коммерческий.

По пути к лифту Лопырев заглянул в отдел к менеджеру по обуви.

– Правую покупаешь – левая бесплатно!

– Чего?

– Можно и наоборот. – Лопырев ткнул пальцем в блокнот менеджера. – Запиши этот слоган. Вместе с твоим вопросом и моим ответом. Уги продавать будем.

Дома, садясь за ужин, Лопырев по давней привычке пристал с вопросами к четырнадцатилетней дочери:

– В какой стране находится Эверест?

– На границе между Непалом и Китаем, – огрызнулась дочь.

– Когда Гагарин в первый раз полетел в космос?

– 12 апреля 1961 года.

– А во второй? – не унимался Лопырев.

– Отстань, папа! – дочь отшвырнула вилку и выбежала.

– Запомни, Гагарин летал один раз! Ты не должна теряться при неожиданных вопросах! – кричал вслед Лопырев.

Жена начала зудеть, чтобы он не нервировал дочь. У девочки сейчас переходный возраст. Школьная программа и так перегружена, а дочка еще на языковые курсы ходит. Вот если бы он в свое время выучил английский язык, то был бы сейчас большим начальником.

Лопырев хотел возразить: «чем же так перегружена школьная программа, если в итоге выпускники не знают и десятой части того, что в свое время освоил он», но не стал спорить с женщиной. Из двух спорящих не прав тот, кто умнее.

Тоска.

После полуночи Лопырев в одиночестве смотрел любимую передачу «Что? Где? Когда?» Восьмым вопросом оказалось его послание. В случае проигрыша знатоков Лопыреву доставался приз в сто тысяч рублей.

Крупье зачитал текст. Лопырев напрягся и жадно ловил слова знатоков. Звучали версии, в основном идиотские, но мелькнула и правильная. Закончилась минута обсуждения, ударил гонг. Капитан команды потер лоб, выгадывая дополнительные секунды, и рискнул ответить сам.

Есть!

На лице Лопырева расплылась блаженная улыбка. Знатоки раскусили его сложный вопрос!

Это была первая радость Лопырева за месяц. На нашей планете он не один такой!

Мои бандиты

1. Знакомство по принуждению

Они появились через неделю после открытия моего первого магазина. В кабинет, бухнув отскочившей дверью, ввалились пятеро. Двое совсем молодых квадратных «шкафа» в просторных спортивных костюмах остались у входа, заменив собой отсутствующую мебель. Три братка лет двадцати пяти, одетых более прилично, вразвалочку подошли к столу.

Я сразу понял, кто ко мне пожаловал. Толстые шеи с золотыми цепями, накачанные торсы и холодные цепкие глазки, контролирующие ситуацию, не оставляли сомнения – вот и до меня добрались господа рэкетеры.

Шла осень 1992 года. Я, как и четверть населения страны, сменил тихую гавань прежней работы на необузданную стихию дикого рынка. Торговал, чем только придется, сбывая с переменным успехом партии товаров от коробки до фуры. Почти год рабочим кабинетом мне служил белая «пятерка-жигули», на которой я мотался по Москве и окрестностям. Такая мобильность позволила отсрочить встречу с неизбежным. Но как только мой бизнес получил постоянную прописку в виде небольшого магазина, ко мне пожаловали непрошеные гости.

Сердце защемило недоброе предчувствие, я с опаской поднялся из-за стола. Молодые бандиты встали полукругом, и в кабинете разом стало тесно. В пресловутом малиновом пиджаке был только один из них – белобрысый крепыш, похожий на борца тяжеловеса, забившего на тренировки. Рядом в турецких кожанках «под фирму» катали жвачку во рту его тупые копии, отличавшиеся цветом волос и уровнем злобы в глазах. Чернявый и Злой, мысленно окрестил я их.

– Вы к кому? – поинтересовался я, наивно надеясь, что они ошиблись улицей, домом, городом, а лучше бы и планетой.

Белобрысый, очевидно главный из них, выдержал паузу, подчеркивая нелепость вопроса, и начал «бакланить про крышу» и большие неприятности у тех, кто ее не имеет. Я некоторое время тупил, прибеднялся, но это не помогло. Неожиданный удар в плечо от Злого опрокинул меня на пол. Урок повиновения продолжили его ботинки, испытывающие прочность моих ребер. После короткой экзекуции Белобрысый позволил мне встать. Разгоряченный Злой порывался молотить дальше, но его сдерживал Чернявый. Я понял, что сохранившиеся в неприкосновенности мои яйца и физиономия – предмет следующего урока.

Разговор сразу перешел в «конструктивное русло». Белобрысый вожак сидел на столе и устало объяснял, что «крыша» для того, чтобы меня никто не трогал. «Типа не проломил башку, не сжег магазин, не раскурочил тачку». Платить

надо ежемесячно тридцать процентов от прибыли и вызывать их «в случае чего». Злой во время объяснения переминаясь за моей спиной и периодически хлопал кулаком в раскрытую ладонь. Чернявый с любопытством ожидал моей реакции, рассчитывая на продолжение зрелища. Но я не Джеки Чан или Чак Норрис, а близорукий кандидат технических наук, затеявший свой маленький бизнес.

Я согласился, рассчитывая, что речь идет о бумажной «прибыли», которую я показываю в бухгалтерских отчетах налоговой инспекции. Однако крюкотворство бандитов не интересовало. Белобрысый назвал конкретную сумму, и я опешил. Моя растерянность была настолько искренней, что после недолгого торга Белобрысый согласился ополовинить сумму.

– Первый платеж завтра, – предупредил он.

Грудь сжало от унылой боли. Я чувствовал себя бычком, ведомым на убой. Можно взбрыкнуть, рвать и метать, даже поставить синяк Белобрысому, но финал очевиден – мое геройство закончится жестоким избиением. Я скривился и обреченно кивнул.

Посчитав, что мы теперь друзья, Белобрысый протянул мне руку с золотой цепью на запястье и представился: «Саша». Несколько позже я узнал, что золотые цепи бандитам нужны, чтобы откупаться от ментов, если заметут. Чем толще цепь, тем больший грех могут «не заметить» стражи порядка.

Чернявый и Злой последовали примеру Белобрысого, тиснули мою руку, и я вновь услышал: «Саша» и «Саша». Я находился между тезками и, уповая на народную примету, загадал желание: «Да чтоб вы сгинули!» Затем посмотрел в окно, давай время высшим силам исполнить мое желание. За мокрым стеклом виднелась бандитская «Нива». Я тяжело вздохнул и медленно повернул голову.

«Исчезните! Это всего лишь сон!» – кричало мое подсознание.

Бандиты по-прежнему лыбились на меня. Примета не сработала, высшие силы не захотели мараться. И в этот момент я понял, что впервые в жизни пожелал смерти человеку. Мысль мне не показалась кощунственной, более того, я дал себе зарок, что рано или поздно убью их.

Так у меня появилась «крыша» и «мои бандиты» Саша Белый, Саша Черный и Саша Злой. Они представились «люблинскими».

2. Первая стрелка

«В случае чего», о котором предупреждал Саша Белый, наступило буквально через неделю. За окном остановился черный БМВ, и в магазин заявились трое высоких парней с наглыми мордами. Если «моих бандитов» можно было принять за бывших борцов, то эти походили на бывших баскетболистов.

Судя по всему, роли у них были отрепетированы. Владелец самой «тупой» физиономии сходу заявил, что я работаю на их территории и должен платить. Самый высокий гордо сказал, что они «таганские» и сослался на какого-то криминального авторитета. Самый плечистый смахнул бумаги на пол и, кривя рот на левую сторону, оперся ручищами о стол и бросил:

– Ты усек?

Я поднял ладони, чтобы прервать наступательную тираду, и выдавил улыбку:

– Ребята, у меня уже есть крыша.

– Кто такие? – озадачился «тупой».

– Люблинские. Саша, Саша и Саша.

– Звони им. Забьем стрелку, – после недолгого раздумья решил высокий, который, видимо, считался главным. – А если лапшу нам на уши вешаешь, коммерсант, будешь платить по двойному тарифу.

– Ты усек? – выдал свою реплику плечистый.

В те времена у бандитов не было даже пейджеров. Я позвонил на оставленный люблинскими Сашами городской телефон и услышал один из знакомых голосов. Не рискуя ошибиться с именем, я изложил ситуацию:

– Саша, у меня таганские. Предлагают «крышу».

Я передал трубку высокому. «Баскетболист» был краток:

– Эй, ты! Стрелку забьем завтра в семь вечера под мостом на Волгоградке напротив автозавода.

Я оценил выбор. Это было тихое место, из которого можно вырваться как на обе стороны Волгоградского проспекта, так и в промзону к Калитниковскому кладбищу.

Через час трое люблинских Саш расхаживали по моему кабинету. Они были явно обеспокоены, особенно Саша Черный. Их интересовало, на чем приехали таганские, как выглядели, как себя вели, о чем конкретно бакланили. Я рассказал про черный БМВ и припомнил имя криминального авторитета. Моя «крыша» призадумалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.